

АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК

№ 33

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Журнал включен ВАК Министерства образования и науки РФ
в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»

МОСКВА
2013

А.С. Туманова,

профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор

ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассмотрены воззрения дореволюционных правоведов на гарантии прав личности и механизмы их обеспечения. Учение о гарантиях прав было разработано юристами применительно к позднеимперской России и являлось составной частью доктрины о правовом государстве.

Ключевые слова: права человека, российская правовая мысль, личность, субъективные личные права, гарантии

A. Tumanova,

Professor of Chair of Theory of Law and Comparative Jurisprudence,
Leading Scientific Researcher of Centre of Researches of the Civil Society and Noncommercial Sector
of the Scientific University 'Higher School of Economy', Doctor of Law, Professor

GUARANTEES OF RIGHTS AND LIBERTIES OF INDIVIDUAL IN THE LEGAL DOCTRINE OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the research of the views of pre-revolutionary jurists on guarantees of the rights of the individual and mechanisms of their providing. The doctrine of guarantees of the rights was developed by lawyers in relation to Late Imperial Russia, it was the component of the constitutional state doctrine.

Keywords: human rights, Russian legal thought, human person, subjective personal rights, guarantees

Учение о правах личности, созданное российскими дореволюционными правоведом, приобрело завершённый характер благодаря разработанной его представителями системе гарантий прав. В правовой теории существовало справедливое убеждение в том, что субъективные права останутся мертвой буквой, если они не будут должным образом защищены и гарантированы¹.

В вопросе формулирования гарантий субъективных публичных прав российские ученые испытывали влияние концепции правового государства Георга Еллинека. В рамках этой концепции Еллинек выделял три вида гарантий субъективных прав: социальные (религия, мораль и общественные нравы), политические (разделение властей, местное самоуправление и др.) и правовые (ответственность министров, импичмент, административная юстиция и др.). Правовые гарантии реализовывались, по словам Г. Еллинека, посредством прежде всего контрольной функции государства, осуществлявшего административный, финансовый и парламентский виды контроля².

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе работы над проектом «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполняемого в рамках Программы «Научный фонд НИУ–ВШЭ», грант № 13-05-0010.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 745–750.

Система гарантий прав человека, созданная русскими юристами Б.А. Кистьяковским, В.М. Гессеном, С.А. Котляревским и др., принципиально не отличалась от системы гарантий субъективных прав Г. Еллинека. Русские юристы подразделяли гарантии на политические, социальные, материальные и правовые. К политическим они относили разделение (или обособление) властей, подзаконный характер судебной и административной ветвей власти, к социальным – состояние нравов, морали и правосознания общества, к материальным – экономическую независимость личности, к правовым – административную юстицию, конституционный надзор, ответственность министров и иных должностных лиц перед законодательной и судебной властями³.

Для В.М. Гессена гарантии прав индивида являлись основанием правового государства. Его представление о гарантиях прав вытекало из его учения о правовом государстве, ключевыми параметрами которого являлись верховенство права и подзаконность любой власти, представительный характер правления, базировавшийся на принципе «обособления властей», юридическое закрепление этих принципов в конституционном праве⁴. Очевидно, что правовое государство для В.М. Гессена было синонимично конституционному государству.

В государствоведческой концепции В.М. Гессена широко употребим термин «обособление властей», означавший приоритет законодательной власти над исполнительной, подзаконность правительственной и судебной властей. Именно принципы обособления властей и их подзаконного характера выступали для В.М. Гессена основополагающими гарантиями субъективных прав личности, а также ключевыми признаками конституционного государства. В.М. Гессен указывал, что в конституционном государстве только законодательная власть, выражавшая волю народа, не была связана в осуществлении своих прерогатив действующим правом. Правительственная и судебная власти, напротив, были ограничены существующим законодательством. Правительство, управлявшее страной и обеспечивавшее исполнение законов, и суд, разрешавший споры, были обязаны, по мнению В.М. Гессена, подчиняться действовавшему в государстве закону так же, как и любой гражданин. Подзаконность правительственной и судебной властей являлась фактором самоограничения государства, поскольку государство, издавая закон, связывало им не только подчиненных индивидов, но и себя. Таким образом, и государство в лице правительственной власти, и любой подвластный ему гражданин одинаково выступали правовыми субъектами – носителями субъективных обязанностей и прав⁵.

Следуя в фарватере немецкой юриспруденции, отводившей ключевые позиции в системе правовых гарантий субъективных прав судебной власти, представители школы «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцев, Б.А. Кистьяковский, В.М. Гессен и др. создали учение об административной юстиции. Это учение базировалось на доктрине о субъективных правах. Под административной юстицией понимался контроль со стороны суда за законностью актов, исходящих от административных органов, право жалобы в судебные органы на действия администрации⁶.

Идея административной юстиции являлась производной в теоретических построениях дореволюционных юристов от принципа разделения (обособления) властей, осуществляемого в конституционном государстве. Так, В.М. Гессен понимал под административной юсти-

³ См.: Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1905. С. 140–143; Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 287–288.

⁴ См.: Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. М., 2010. С. 267–268.

⁵ Гессен В.М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 12.

⁶ См.: Корнев В.Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века. М., 2005. С. 250.

цией «своеобразную и обособленную организацию судебной власти, призванную к защите субъективных публичных прав путем отмены незаконных распоряжений административной власти»⁷. Появление данного института ученый связывал с формированием правового государства. Он доказывал, что в абсолютных монархиях подданный полностью бесправен по отношению к правительственной власти, жалоба в суд на ее решения и действия не допускается, ввиду чего существование административной юстиции невозможно. Единственной формой защиты от незаконных распоряжений и решений правительства для подданных оставалась «жалоба по начальству» – не самый эффективный способ защиты прав личности, по мнению В.М. Гессена, поскольку представители власти «выступали судьями в своем собственном деле»⁸.

В теоретических спорах о существовании административной юстиции, о том, нужен ли специальный административный суд и не следует ли передать надзор за законностью актов и решений администрации ведению судов общей юрисдикции, В.М. Гессен занимал однозначную позицию. Он выступал сторонником создания самостоятельного судебного органа для отмены незаконных постановлений власти. Рассмотрение конфликтов, возникающих между индивидом и властью на почве административного права, требовало от судьи, по мнению ученого, особых – административных, а не частно-правовых, знаний и потому не могло быть поручено обычному гражданскому суду. Кроме того, методы, являющиеся эффективными в гражданском процессе, не работали в административном. В подтверждение своих слов В.М. Гессен ссылаясь на французский опыт, где существовали два различных судебных органа для разрешения частноправовых и административно-правовых споров⁹.

Характеризуя статус административных судов, В.М. Гессен утверждал, что важными принципами их организации должны стать независимость административного судьи от администрации (как это было в случае с гражданскими судьями), несменяемость судей, коллегиальность судебной организации, состязательность и гласность судопроизводства. Понимаемую таким образом административную юстицию В.М. Гессен называл «архимедовым рычагом правового государства»¹⁰.

Именно с институтом административной юстиции юридическая наука начала прошлого века связывала перспективы модернизации механизма административного управления самодержавия. Надо признать, что в юридической литературе того времени, как и в современных работах специалистов в области административного права в России, концепция административной юстиции как особой формы судебной власти не была общепризнанной. Например, немецкий юрист Р. Гнейст полагал, что административная юстиция является продолжением административной власти и предназначена для ее самоконтроля. Понятие административной юстиции отвергалось английскими юристами. А. Дэйси, например, считал, что выделение соответствующего круга проблем в особую юрисдикцию выводило их из сферы обычной судебной системы и давало преимущество администрации. Между тем российская правовая теория существенно опережала процесс институционализации административной юстиции, и именно на концепцию административной юстиции российских теоретиков возрожденного естественного права, наиболее обстоятельно разработанную В.М. Гессеном, опирались проекты создания этого института Временного правительства¹¹.

⁷ Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 90–91.

⁸ Гессен В.М. О правовом государстве... Указ соч. С. 45.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Гессен В.М. Теория правового государства... Указ. соч. С. 141.

¹¹ См.: Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб., 2000. С. 251.

Одним из наиболее дискутируемых в среде правоведов начала прошлого века был вопрос о целесообразности введения в стране института конституционного надзора и осуществления в его рамках судебного контроля над соответствием принимаемых законов основным. В этой дискуссии активно участвовал С.А. Котляревский. Позитивным примером для него служила деятельность Верховного Суда США, осуществлявшего проверку конституционности законов и оказавшего огромное влияние на конституционное развитие Соединенных Штатов. По мнению С.А. Котляревского, сама возможность сверки законов с Основным законом давала гарантию против нарушений конституции законодательной властью¹².

К правовым гарантиям субъективных прав личности правоведы относили также институт ответственности министров и иных должностных лиц. Установление ответственности должностных лиц государства перед народным представительством, верховной законодательной властью (королем в парламенте) и судом связывалось ими опять же с утверждением конституционного государства. Абсолютному государству институт ответственности министров был неизвестен, поскольку всякое должностное лицо являлось исполнителем воли абсолютного монарха, а министры могли быть привлечены к ответственности исключительно по усмотрению верховной власти за неповиновение ее воле, а не за нарушение закона. При этом сама ответственность министров носила скорее дисциплинарный, чем уголовный характер. В.М. Гессен считал гарантией подзаконности правительственной власти в конституционных государствах ответственность министров перед парламентом, т.е. ответственность исполнительной власти перед законодательной. При этом он был убежден, что как самостоятельное конституционное учреждение, обеспечивающее закономерность и целесообразность правительственных актов, министерство должно было нести ответственность также перед верховной в конституционном государстве законодательной властью, а именно перед «королем в парламенте». Таким образом, конституционное министерство должно было отвечать и перед монархом, и перед парламентом¹³.

Дореволюционная государственно-правовая доктрина различала две формы ответственности министров: политическую и уголовную. Политическая ответственность определялась обычно как ответственность за целесообразность, а уголовная – как ответственность за законность правительственных действий. Различались указанные виды ответственности также и по форме: политическая ответственность выражалась в увольнении министров, уголовная – в предании их суду. Право предания министров суду принадлежало обычно нижней палате парламента, а право суда над ними – либо верхней палате, либо высшему уголовному суду, либо особому государственному суду, специально созданному для рассмотрения дел о преступлениях по должности, совершаемых министрами¹⁴.

Ранжируя гарантии обеспечения субъективных прав в конституционном государстве, С.А. Котляревский, как и В.М. Гессен, ставил на первое место судебную защиту прав личности. Второе место он отводил политической ответственности министров перед народом за допущенные нарушения. Не менее значимой гарантией осуществления прав и свобод личности С.А. Котляревский считал состояние правосознания общества. По его мнению, система гарантий субъективных прав оказывалась действенной лишь в случае, «если вся нация проникнута сознанием важности этих индивидуальных прав, сознанием великой опасности, происходящей от нарушения их государственной властью, и готовностью их защищать»¹⁵.

¹² Котляревский С.А. Власть и право... Указ. соч. С. 287–288.

¹³ См.: Гессен В.М. Теория правового государства. С. 142–143; Он же. Основы конституционного права. С. 393, 396–397.

¹⁴ См.: Гессен В.М. О правовом государстве. С. 49.

¹⁵ Котляревский С.А. Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 99–100.

В постановке вопроса о правосознании общества как условии обеспечения субъективных прав С.А. Котляревский являлся подлинным выразителем позиции школы возрожденного естественного права, считавшей правосознание источником развития права и государственности. Другой представитель данного направления – Б.А. Кистяковский признавал отсутствие у русской интеллигенции прочного правосознания и ее нигилистическое отношение к правам личности и объективному правопорядку главной проблемой российской жизни¹⁶. П.И. Новгородцев считал правосознание источником и корнем государственной жизни. В общественном правосознании, включавшем нравственное сознание личностей, нравственные представления людей о государстве и государственном порядке, он видел ключевой фактор осуществления субъективных прав, их утверждения и признания законодателем¹⁷. К числу гарантий прав и свобод личности П.И. Новгородцев относил также материальные гарантии, выразившиеся в экономической независимости лица. Без заботы о материальных условиях реализации свободы она могла, по его словам, «остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным... юридически и отнятым фактически»¹⁸.

Субъективные права имели, таким образом, практическое значение для дореволюционной российской юриспруденции. Они способствовали разработке концепций правового государства и практическим шагам по его построению, а также созданию конституционной и административной юстиции.

Список литературы

1. Гессен В.М. О правовом государстве. СПб., 1906.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1918.
3. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1905.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
5. Корнев В.Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века. М., 2005.
6. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915.
7. Котляревский С.А. Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907.
8. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX века. М., 2010.
9. Новгородцев П.И. Право и государство // Вопросы философии и психологии. Кн. IV (74). 1904.
10. Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995.
11. Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб., 2000.

¹⁶ См.: Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 375.

¹⁷ Новгородцев П.И. Право и государство // Вопросы философии и психологии. Кн. IV (74). 1904. С. 535.

¹⁸ Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 322–323.